
Зал Прямой Добродетели

Весть о том, что император Юйчэн остался на ночь в усадьбе великого генерала, разнеслась по столице за считанные часы. Принц Чжуан, получив это известие, помрачнел и несколько дней пребывал в глубоком унынии. Он не единожды подавал прошения об аудиенции, но главный распорядитель Ван Юаньчэнь всякий раз преграждал ему путь, ссылаясь на занятость государя.

Все эти дни начальник императорской гвардии Жуй Жун то и дело навещался в резиденцию принца Чжуана. Об этих визитах незамедлительно доложили императору Юйчэну, однако молодой правитель оставил доносы без внимания, не проронив ни слова.

Войско великого генерала Фу Юаньтай — более пятидесяти тысяч закалённых в боях воинов — по-прежнему стояло лагерем в сорока ли к западу от Тяньцзина. Его не торопились ни объединять с пригородным Лагерем Доблестной Кавалерии, ни включать в общую систему обороны столичного округа.

Император Юйчэн размышлял несколько дней. На одном из утренних приёмов в присутствии гражданских и военных чинов он повелел призвать во дворец Фу Исяня. Перед лицом сотен придворных развернулась долгая беседа государя и подданного. О чём бы ни заходила речь — о милосердии и праведности, о законах звёздного неба и летоисчислении, о родовом праве, тонкостях ритуалов или об искусстве ведения пограничных войн, — молодой Фу Исянь отвечал спокойно, точно и с глубоким пониманием сути вещей.

Тут же, в тронном зале, огласили указ: пожаловать Фу Исяню чин бакалавра-чтеца Внутреннего кабинета со старшинством четвертого ранга. По сути, это означало постоянное присутствие подле императора. Более того, ему даровали право свободного входа в Зал Резонирующей Гармонии для личных докладов. Воистину, то был стремительный, головокружительный взлёт на самую вершину.

Принц Чжуан, глядя на столь неслыханную милость государя, едва сдерживал гнев. Недовольно сощурившись, он переступил с ноги на ногу и уже собирался высказать своё возражение, как вдруг его опередили.

— Ваше Величество! Позволю себе смиренно заметить, что мой ничтожный сын не имеет учёных степеней, да и перед государством ничем не отличился. Будучи простым мирянином, он недостойн столь великой милости. Для столь высокого назначения нет законных оснований.

Говорившим был, разумеется, сам великий генерал Фу Юаньтай.

Император Юйчэн мягко улыбнулся:

— К чему почтенному генералу столь излишняя скромность? Если у него и нет заслуг, то лишь потому, что судьба доселе не давала ему возможности послужить отечеству. С самого основания нашей империи род Фу верой и правдой служил трону, явив миру бесчисленное множество мудрых сановников и доблестных полководцев. Ныне, когда я только взошёл на престол, несмотря на поддержку трёх главных министров, я всё ещё часто испытываю нужду в надёжных людях. Мне бы хотелось, чтобы каждый способный муж отдал свои силы на благо государства.

Принц Чжуан воспользовался моментом, сделал шаг вперёд и заговорил, склонив голову:

— Племянник Фу действительно происходит из простых мирян и не имеет чинов, однако слава о его талантах гремит повсюду. Одарённый от природы великим умом, он ещё в детстве выказал недюжинную мудрость и, без сомнения, способен на великие свершения. И всё же, Ваше Величество, назначение его на должность бакалавра-чтеца Внутреннего кабинета противоречит устоявшимся порядкам и кажется мне не вполне благоразумным...

Не дав ему договорить, император Юйчэн небрежно махнул рукой:

— Мне понятны опасения почтенного дяди. Чин бакалавра-чтеца — всего лишь четвертый ранг. По правде говоря, учитывая добродетели и ум Фу Исяня, такая должность для него мелковата. Но я нарочно поступаю так, дабы сперва испытать его, а уж после возложить более важные обязанности. К тому же Юаньшань с детских лет читал книги вместе со мной. Кому, как не ему, занять этот пост? Кое-какой опыт у него уже имеется.

Принц Чжуан намеревался доказать, что четвертый ранг — слишком высокая ступень для неизвестного юнца, однако молодой император упредил его удар, изящно и ловко заставив замолчать. Спорить дальше было бессмысленно и опасно. Поняв это, Чун Яньцзи лишь покорно склонил голову в знак согласия.

Сам же Фу Исянь стоял прямо и спокойно, с неизменной мягкой улыбкой на лице, не пытаясь оправдываться или отказываться от неожиданной чести. Заметив это, старый генерал Фу Юаньтай понял, что воля государя непреклонна, а его собственный сын молча принял её, и потому предпочёл больше не вмешиваться.

Когда собрание объявили закрытым, придворные гурьбой хлынули к новоиспечённому бакалавру с поздравлениями. Кое-как отделившись от навязчивого внимания чиновников, отец и сын Фу поспешили покинуть внутренние покои дворца. Миновав узорчатые ворота, они уже собирались сесть в паланкины, как вдруг позади раздался негромкий голос:

— Сяошань!

Фу Исянь обернулся. Из тени ворот неспешно выходил мужчина.

— Цзыхоу!

Окликнувший его по имени Цзыхоу был не кто иной, как Чун Дай — второй сын принца Чжуана. В народе его знали как первого среди Четырёх благородных господ столицы. Он был на три года старше Фу Исяня и уже дослужился до чина первостатейного императорского телохранителя, постоянно сопровождая государя. Его появление здесь в столь ранний час явно не было случайностью: он ждал именно Фу Исяня.

Хотя их отцы, Чун Яньцзи и Фу Юаньтай, почти не поддерживали отношений, их сыновья сблизились ещё в детстве. Их дружба завязалась вскоре после того, как Фу Исянь покинул императорский дворец, чтобы держать траур по матери. Он часто говорил о нём другим:

— Цзыхоу — истинный благородный муж, чистый и безупречный.

Старый генерал Фу Юаньтай редко видел этого молодого человека, но сейчас, оглядев его с ног до головы, невольно признал про себя: «Надо отдать должное Чун Яньцзи — вырастил достойного преемника».

Чун Дай стоял в начищенных до блеска сине-зелёных доспехах, на поясе его покоилась великолепная глазурированная сабля. Налетевший порыв весеннего ветра растрепал пряди его волос и заставил заплясать пятицветные шёлковые кисти на ножнах клинка. Фу Исянь на мгновение залюбовался другом.

"Пожалуй, во всём мире лишь императорский старший брат может сравниться статью с Цзыхоу."

Заметив присутствие старого генерала, Чун Дай быстро подошёл ближе и вежливо поклонился, сложив руки:

— Младший офицер Чун Дай приветствует великого генерала.

Фу Юаньтай бережно подхватил его под локти, не давая опуститься слишком низко:

— Племянник, ты при доспехах, оставь эти церемонии. — Старик повернулся к сыну. — Отныне вы с Чун Даем служите в одном зале, и твоё положение изменилось. Тебе следовало бы поучиться у него придворному такту и умению держать себя перед государем, а не упрямиться по пустякам. Понял меня?

Фу Исянь покорно склонил голову:

— Сын внимлет наставлению отца.

Лишь после этого старый генерал сел в паланкин, и слуги унесли его в сторону поместья.

Едва паланкин скрылся за поворотом, Фу Исянь обернулся к другу, собираясь спросить, что привело его сюда. Но, заметив непривычную серьёзность на лице Чун Дая, он вдруг решил разрядить обстановку. Юноша легко скользнул вбок и ловким движением потянулся к чужому оружию, пытаясь выхватить глазурованную саблю из ножен.

Отобрать оружие у первостатейного гвардейца — неслыханная дерзость и позор для воина. Чун Дай, собиравшийся с духом перед непростым разговором, никак не ожидал столь ребяческого нападения. Он мгновенно отпрянул и, напустив на себя суровый вид, прикрикнул:

— Фу Исянь! Что за глупости ты творишь?

Однако Чун Дай среагировал быстрее, чем успел выговориться. Одним слитным движением он взмыл в воздух, изогнулся всем телом и отлетел назад. Поняв, что первая атака сорвалась, Фу Исянь ринулся следом, целясь пальцами в уязвимую точку на лодыжке друга. Чун Дай, зависнув в воздухе, даже не вздрогнул. Он мгновенно вытянул ноги в шпагате, выставил перед собой саблю в ножнах и мягко оттолкнул нападающего. Фу Исянь, уже не имея возможности увернуться в прыжке, получил несильный, но чувствительный удар ножнами прямо в лоб и повалился на плиты двора.

Чун Дай легко приземлился на ноги и принял привычную стойку. Сложив руки на груди, он сурово взирал на то, как Фу Исянь поднимается, отряхивается и с виноватой улыбкой семенит обратно. Не сдержавшись, гвардеец отвесил ему несильный щелбан по лбу.

— С ума сошёл? Оглянись, где мы находимся! Это Западные ворота дворца, отсюда расходятся все чиновники после совета. Если слухи о твоих шалостях дойдут до ушей императора, беды не миновать! — Чун Дай принялся заботливо стряхивать пыль с плеч друга. — Забыл, что тебе только что отец говорил? Твои выходки — это чистой воды оскорбление величества. Вот пойду и доложу государю, пусть прочит тебя как следует.

— Да ладно тебе, я же только с тобой так, при других я сам серьёзность! Если хочешь жаловаться — валяй, свяжи меня прямо сейчас и тащи во дворец. Всё равно не поверю, что императорский старший брат велит отрубить мне голову из-за невинной потасовки.

Чун Дай испуганно зажал ему рот ладонью:

— Тише ты! За одну только эту фразу «императорский старший брат» тебе действительно могут снести голову!

Фу Исянь даже не пытался высвободиться. Он замер, вдыхая тонкий, едва уловимый аромат мускуса и орхидей, исходивший от ладони друга. В голове промелькнула мимолётная мысль.

"А у Цзыхоу совсем другой запах... Не такой, как у императорского старшего брата..."

При воспоминании о Чун И сердце на мгновение сжалось, и взгляд Фу Исяня затуманился.

Чун Дай, разумеется, и не догадывался о его чувствах. Он лишь видел, как юноша перед ним слегка покраснел и замер, устремив на него кроткий, задумчивый взгляд, напоминавший глаза пугливого оленёнка в императорских угодьях Мулань. Сердце гвардейца невольно дрогнуло.

Спустя долгий миг Чун Дай наконец опустил руку и тихо вздохнул:

— Сяошань, твоей чистой душе не место в этих стенах. Зачем ты согласился? Неужели твой отец настоял на этом?

— Ты ведь знаешь крутой нрав моего отца, — грустно улыбнулся Фу Исянь. — Если бы не твёрдая воля государя, ноги бы моей здесь не было. Но даже так отец до сих пор винит меня в легкомыслии и глупости.

— Государь?.. — Чун Дай нахмурился. — Погоди, так визит Его Величества в усадьбу генерала... Он остался на ночь только ради того, чтобы заставить тебя согласиться?

Увидев, как Фу Исянь едва заметно кивнул, Чун Дай почувствовал, как в груди поднимается волна глухого раздражения.

— Но почему ты не отказался? Да, это великая милость, однако...

Фу Исянь мягко перебил его, качнув головой:

— Цзыхоу, дело вовсе не в милости. Государь нуждается во мне. Сейчас ему невероятно тяжело, на его плечах лежит огромная ноша, и ему отчаянно нужен тот, кто разделит с ним эти тяготы. Мой род поколениями кормился из рук правящей династии и служил престолу. Разве я имел право сказать «нет»?

— Но твой отец был против! — горячо возразил Чун Дай. — Ты у него единственный сын, единственная опора. Он всегда мечтал уберечь тебя от грязи придворной жизни, хотел, чтобы ты жил спокойно и просто.

— Цзыхоу, ты ведь сам прекрасно знаешь древнюю истину: долг верности государю превышает сыновней почтительности.

За неспешным разговором они не заметили, как миновали дворцовые стены и вышли к перекрёстку улицы Рассыпанного Золота.

По обеим сторонам дороги тянулись усадьбы, из-за оград которых свешивались ветви цветущих павловний. Тёплый мартовский ветер срывал нежно-лиловые лепестки, устилая ими мостовую

Тяньцзина. Чун Дай долго молчал, погружённый в свои невесёлые мысли. Фу Исянь тихо шёл следом, не отрывая взгляда от разноцветных шёлковых кистей, покачивающихся на ножнах его сабли.

— Скажи мне честно, Сяошань... Твоё отношение к государю — это действительно лишь верность подданного?

Фу Исянь удивлённо приподнял голову:

— Цзыхоу, к чему ты клонишь?

Чун Дая раздирали противоречия. Видя, как сильно его друг дорожит прежней детской привязанностью к императору Юйчэну, он в то же время не мог разгадать истинных намерений молодого монарха. Сегодняшнее торжественное назначение вызвало у гвардейца скорее тревогу, нежели радость. Их с Фу Исянем связывала искренняя, глубокая дружба. Он знал Сяошаня как человека блестящего ума, способного разрешить любую сложную задачу, но совершенно не умеющего распознавать скрытые мотивы людей. Чистый, далёкий от мирской суеты, Фу Исянь превыше всего ставил верность и чувства, но был бесконечно далёк от коварных интриг и борьбы за власть. С таким характером находиться подле государя — значит ежеминутно подвергать свою жизнь смертельной опасности.

Император Юйчэн вырос в паутине дворцовых заговоров; интриги и коварство были для него естественны, как дыхание. Взойдя на престол в юном возрасте, он укрепил свою власть, искусно переманивая на свою сторону чиновников и методично ослабляя влияние принца Чжуана. Ночная поездка государя в дом великого генерала вызвала в резиденции Чун Яньци настоящую бурю. Вражда между повелителем и его могущественными вассалами была секретом полишинеля, и Чун Дай, будучи сыном принца Чжуана, прекрасно понимал, к чему всё идёт. Однако их дружба с Фу Исянем всегда оставалась чистой, далёкой от грязной политики. Их семьи враждовали, и если бы Чун Дай заговорил об этом сейчас, это могло выглядеть как низкая попытка посеять раздор.

Но, глядя на безмятежное лицо друга, Чун Дай едва сдерживал желание хорошенько встряхнуть его. Неужели он не видит, что его превращают в послушное орудие в чужих руках, а он лишь радуется этому?

Заметив, как помрачнел Чун Дай, Фу Исянь мягко коснулся его руки и тихо произнёс:

— Цзыхоу, мне хорошо известно всё, о чём ты молчишь. Тебе не нужно тревожиться обо мне. Если бы у меня не было сил защитить себя, я ни за что не решился бы ступить на эту скользкую тропу.

"С твоим умом ты действительно способен разгадать помыслы тысяч людей, но император Юйчэн стоит выше этих тысяч. Боюсь, когда-нибудь ты сложишь голову ради его блага, искренне веря, что исполняешь свой долг."

"Чун Даю было невыразимо больно осознавать, что Сяошань — его драгоценный друг, которого он столько лет бережно хранил в своём сердце — уходит от него, вверяя себя другому человеку."

— Сяошань, — глухо проговорил он, сжав ладонь друга в ответ. — Помни, что служба государю — это прогулка по лезвию ножа. Какую бы милость он ни являл тебе сегодня, между вами всегда будет лежать неодолимая пропасть правителя и слуги. Больше я ничего не могу сказать тебе. Надеюсь, ты услышал меня.

<http://bllate.org/book/19874/2028608>